

Научная статья
УДК 39 (=571)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/26-41>

Супруги С.М. и Е.Н. Широкогоровы: исследователи с "тунгусоведным" сердцем

Анна Анатольевна СИРИНА

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, annas@iea.ras.ru

Владимир Николаевич ДАВЫДОВ

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия;
Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Анадырь, Россия,
davydov.kunstkamera@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные результаты тунгусоведческих исследований выдающегося российского и китайского этнолога Сергея Михайловича Широкогорова и его супруги Елизаветы Николаевны Широкогоровой. Статья основана на архивных, музейных материалах и анализе научной литературы. Ученые вели комплексные полевые исследования среди различных тунгусо-маньчжурских групп Забайкалья и Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Широкогоров вписывал занятия тунгусской этнографией в более широкий контекст философии истории и культуры. Особое внимание обращено на результаты работ Широкогоровых в исследовании экономики, материальности, социальной организации, этнической истории, искусства и музыкальной этнографии.

Ключевые слова: история этнологии, тунгусоведческие исследования, Дальний Восток, С.М. и Е.Н. Широкогоровы, материальность, социальная организация, позитивные знания, музыкальная этнография

Авторы статьи выражают благодарность племяннице Е.Н. Широкогоровой Елене Васильевне Робинсон за предоставление фотографий из личного фотоархива.

Для цитирования: Сирин А.А., Давыдов В.Н. Супруги С.М. и Е.Н. Широкогоровы: исследователи с "тунгусоведным" сердцем // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 26–41. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/26-41>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/26-41>

Spouses Sergei and Elizaveta Shirokogoroffs: researchers with a "Tungus" heart

Anna A. SIRINA

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, annas@iea.ras.ru

Vladimir N. Davydov

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
Chukotka Branch of North-Eastern Federal University, Anadyr, Russia, davydov.kunstkamera@gmail.com

Abstract. The article discusses the main results of the Tungus studies research of the outstanding Russian and Chinese ethnologist Sergei and his wife Elizaveta Shirokogoroffs. The article is based on archival, museum materials and analysis of published sources. Scientists conducted comprehensive field research among various Tungus-Manchu groups of Zabaikal'e and the Far East of Russia and Northeast China. Shirokogoroff conducted the study of Tungus ethnography in the broader context of the philosophy of history and culture. The authors pay particular attention to the results of the research of the Shirokogoroffs in the study of economics, materiality, social organization, ethnic history, art and musical ethnography.

Keywords: history of ethnology, Tungus studies, Far East, Sergei and Elizaveta Shirokogoroff, materiality, social organization, positive knowledge, musical ethnography

The authors of the article express their gratitude to Elena Vasilievna Robinson, the niece of E.N. Shirokogoroffa, for providing photographs from her personal photo archive.

For citation: Сирин А.А., Давыдов В.Н. Spouses Sergei and Elizaveta Shirokogoroffs: researchers with a "Tungus" heart // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 26–41. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/26-41>

Введение. Имя Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939) – выдающегося этнолога XX в., с 1922 г. находившегося в эмиграции в Китае, для многих ассоциируется, прежде всего, с теорией этноса. Стоит, однако, заметить, что этнос – лишь один и далеко не самый главный сюжет его исследовательских работ. У Широкогорова было "тунгусоведное сердце" (СПбФ АРАН 1. Оп. 1 [до 1918 г.], Д. 68.

© Сирин А.А., Давыдов В.Н., 2023

Л. 96об.). Изучению фундаментальных вопросов тунгусоведения он посвятил свои основные, ставшие антропологической классикой работы, опубликованные на английском языке. Его жена Елизавета Николаевна Широкогорова была помощником, неизменной спутницей мужа, а также самостоятельным исследователем [25]. Активно сотрудничая с местными специалистами, вместе они работали как целый научный коллектив.

10 января 1940 г. Е.Н. Широкогорова писала к И.И. Серебренникову, бывшему правителю дел ВСОИРГО, русскому эмигранту в Китае, собиравшему материалы для некролога о С.М. Широкогоре: "С.М. уже стал мировым авторитетом и по изучению народов Азии, которое шло у него широко, – пятью дорогами, изучающими человека, – археология, этнография, физ[ическая] антропология, лингвистика и, наконец, этнология (в его собственном понимании) как наука, обобщающая все остальные дисциплины. В каждой из этих наук он дал новое" [30, с. 1088].

Научное наследие Широкогуровых обширно, многогранно, уникально и органически взаимосвязано. От первого отчета о поездке в Забайкалье в 1912 и 1913 годах, уместившегося на двух десятках страниц [32], до фундаментального тома "Психоментальный комплекс тунгусов" [46], состоящего из четырех частей и 23 глав, – вот наглядный путь движения в познании тунгусских культур. Между ними были созданы монографии "Орочены Забайкалья: этнографическое описание" (не опубликована при жизни ученого, но представленные в ней материалы частично вошли в последующие работы) [18], "Социальная организация маньчжуров" [42], "Социальная организация северных тунгусов" [45], а также ряд важнейших статей, среди них – "Опыт исследования основ шаманства у тунгусов" [33], "Миграции северных тунгусов на Дальнем Востоке (гольды и их этническое родство)" [43], "Термины ориентации северных тунгусов" [44] и др. "Даже беглый их анализ показывает, что С.М. Широкогоров был выдающимся этнографом-тунгусоведом, крупнейшим исследователем истории и культуры практически всех тунгусоязычных народов и автором первого обстоятельного "Тунгусского словаря", опубликованного в Токио еще в 1944 г.", – отмечал первый исследователь творчества Широкогурова дальневосточный искусствовед и этнограф Н.В. Кочешков [9, с. 153]. Большинство этих работ не были по-настоящему прочитаны в России, хотя классики советского тунгусоведения Г.М. Василевич и В.А. Туголуков были знакомы с некоторыми из них, использовали в своих трудах и как источник, и как образец. Многие исследователи тем не менее лишь формально цитировали труды ученого.

Данная статья написана с целью привлечь внимание к тунгусоведческому наследию Широкогурова. Под тунгусоведением мы понимаем комплексное изучение культур тунгусо-маньчжурских народов методами разных научных дисциплин – этнографии, лингвистики, фольклористики, археологии, физической антропологии и других. Под термином "тунгусы" условно объединяются народы, говорившие на тунгусо-маньчжурских языках (современные эвенки, эвены, негидальцы и группа южных тунгусо-маньчжуров). Это наследие столь обширно, что освоить его можно только совместными усилиями ученых разных специальностей. И такое освоение идет. Постоянно востребованы труды Широкогурова о шаманстве, написанные на основе тунгусо-маньчжурских материалов. В них он отказался от психопатологического подхода к этому феномену, рассматривал шаманство как явление, стоящее на стыке биологии и психологии, средство родовой самозащиты, выявил эмоционально-эстетическую функцию камлания, обратил внимание на роль интуиции, дал множество уникальных фактов [21; 3 и др.]. Лингвистическое направление его работы: критика урало-алтайской гипотезы, классификация тунгусо-маньчжурских языков, роль государства в развитии языка – привлекло К. Иноуэ, Е.В. Ревуненкову и А.М. Решетова, М.М. Хасанову, А.М. Певнова, А.А. Бурыкина, Н.А. Мамонтову. До сегодняшнего дня остается малоисследованным вклад С.М. Широкогурова в изучение проблем археологии и физической антропологии, а также остаются неисследованными его антропологические и археологические коллекции.

В данной статье мы обратимся к некоторым из ключевых аспектов тунгусоведческого наследия Широкогоровых в сфере этнографии. В работах Широкогорова поставлены или затронуты темы, которые активно разрабатываются и в современной антропологии: антропология ночи; экономическая антропология; антропология материальности; антропология инвалидности; алкоголизма; пола (гендера); труда; этикета, народных знаний, отношений человека и животного, антропологии эмоций и другие.

Полевые исследования и поиск методологии. Широкогоров утверждал, что выбор тунгусов в качестве объекта изучения был сделан им благодаря директору МАЭ В.В. Радлову. "Тунгусы нам очень нравятся, и мы им, кажется, тоже", – писал Сергей Михайлович старшему этнографу МАЭ Л.Я. Штернбергу, курировавшему экспедиции Широкогоровых в Забайкалье в 1912 и 1913 годах и на Дальний Восток России и в Маньчжурию в 1915–1917 годах [34, с. 156]. Благодаря возникшей эмпатии почти сразу же из объекта исследования тунгусы и орочены, а позже и маньчжуры стали для ученого "господами", как он в шутку называл их в письме к Л.Я. Штернбергу, а то и "приятелями" [34, с. 156, 157]. Постепенно некоторые их представители стали друзьями ученых, выполняли различные поручения, спасли от хунхузов в 1915 г., не бросили во время ареста в 1917 г. на линии Амурской железной дороги. Ученый даже принимал участие в выборе шамана у маньчжуров.

Обращает на себя внимание мотивация к исследованиям, которой выступали не деньги и гранты (в первую экспедицию ученые выехали на свои собственные средства), а осознание себя миссионерами науки (которую Широкогоров считал высшим видом человеческой деятельности и гордился своим причастием к научному сословию) [35] и поиск ответов на сложные, мало разработанные вопросы тунгусоведения и этнологии вообще.

В первой экспедиции перед Широкогоровым стояли задачи: изучить тунгусский язык в его диалектах, собрать для Музея антропологии и этнографии предметы культуры тунгусских народов и фотографические коллекции, провести антропометрические измерения и собрать научный материал о социальной организации и верованиях тунгусов [2]. Разнообразии народов и групп населения на Дальнем Востоке России и северо-востоке Китая, их культурных контактов углубили понимание Широкогоровым целей исследования и расширили круг его задач. В сферу внимания Широкогорова попали не только тунгусы собственно (в современной терминологии эвенки, эвены и негидальцы), но также различные группы южных тунгусов (нанайцы, орочи, ульчи, уйльта, удгейцы), маньчжуры, отчасти дауры, русские, монголы, китайцы. Таким образом, объектом исследований стал не просто определенный народ или этническая группа, а совокупность взаимодействующих групп и народов в их адаптации к природному и социальному окружению [22, с. 81].

Собранные полевые материалы необходимо было осмыслить и проанализировать. Ученого, хорошо знакомого с современными ему теориями, ни одна из них не удовлетворяла. Острый критический ум в сочетании с ранее приобретенными знаниями и опытом, богатыми полевыми материалами, собранными методами разных научных дисциплин, интенсивной аналитической работой, привели его к постановке методологических вопросов исследования культур неевропейских народов. Исследователь выработал свой собственный инструментарий, включавший элементы функционализма, структурализма, холистического, исторического и психологического подходы. Укорененные в методологии европейских исследователей дихотомии (бинарные оппозиции): "человек/животное", "душа/тело" и другие стали переосмысливаться в постмодернистской антропологии относительно недавно. Широкогоров, пытаясь понять духовную культуру тунгусов, выявил важную дихотомию "мистический / рациональный", возникшую в результате доминирования европейского комплекса [56, р. 46]. Он не приемлет старые термины и называет понятия тунгусских народов о существовании тех или иных духов не "культом", "религией", "мистическими представлениями", а "гипотезами". Последние, по его мнению, связаны с практикой, или, в терминологии Широкогорова,

Фото 1. С.М. Широкогоров в своем кабинете в Петрограде.

Источник: Личный архив Е.В. Робинсон.

Foto 1. S.M. Shirokogoroff in his office in Petrograd.

Source: Private archive of E.V. Robinson.

"методами" взаимоотношений с духами. Полностью отказаться от устоявшихся терминов и подходов не удалось, и заявленные новации не всегда находили отражение в этнографических текстах. Ученый постоянно развивал свои идеи, корректировал научные выводы и при этом менялся сам.

Основные темы и результаты. Изучении тунгусов Широкогоров вписывал в широкую этнологическую проблематику, в контекст проблем философии истории и культуры: история социальных форм, развитие религиозной мысли, технических знаний, характер этнических передвижений в Азии. Имелся в виду также сбор информации о культурах, которые, по мнению ученого, "вскоре будут ассимилированы" [41].

Экономика и материальность. Автор системно рассмотрел расселение различных родов тунгусов и хозяйство их групп в разнообразных вариантах, сложившихся в зависимости от условий первичной (природной) и вторичной (социальной) среды, а именно межэтнического влияния. Он выделил несколько хозяйственных типов тунгусов: охотников-оленоводов, тунгусов, имеющих смешанное хозяйство, а также скотоводов и земледельцев, что было новым словом в исследованиях региона. "Переходные" группы привлекли внимание этнографов, работавших в 1920-е годы в Сибири с практической целью перенять опыт освоения новых форм хозяйства для организации ускоренного перевода на оседлый образ жизни или це-

Фото 2. С.М. и Е.Н. Широкогоровы в экспедиции.

Источник: Личный архив Е.В. Робинсон.

Foto 2. S.M. and E.N. Shirokogoroffs in the expedition.

Source: Private archive of E.V. Robinson.

лесообразности их выбора для будущих реформ [30]. Широкогоров же использовал свои полевые материалы о таких группах для поиска ответа на теоретические вопросы, писал о межэтническом давлении, отношениях между народами, формах адаптации, закономерностях существования народа (этноса). Значимость смешанных сообществ как объектов этнографического исследования начиная с 1930-х годов была снижена. Ученые "закрепили" определенные хозяйственно-культурные типы за определенным народом, что мешало воспринять и осмыслить трансформированные сообщества и вело к представлениям о "чистоте" объекта исследования и соответственно к поиску "чистой" традиции [35, с. 68].

Описание материальной культуры забайкальских эвенков, построенное по канонам этнографического очерка (своего рода расширенного полевого отчета), содержится в неизданной при жизни С.М. Широкогорова рукописи монографии, датируемой 1914 г. В очерке много новых полевых материалов, описываются охотничье и военное снаряжение (луки, стрелы и др.), жилище, устройства лагеря, одежда, пища, утварь и др. Данные о материальной культуре, орнаментах, танцах, музыкальной этнографии, антропометрии помогала собирать Елизавета Николаевна [25; 32; 37; 38; 39].

Супруги вели научную собирательскую работу [24]. Двенадцать уникальных коллекций по археологии, антропологии, этнографии тунгусов, орочонов, дауров, бираров, мангров, северных маньчжуров и китайцев, собранные Широкогоровы-

Фото 3. Палатка С.М. и Е.Н. Широкогоровых.

Источник: Личный архив Е.В. Робинсон.

Foto 3. Tent of S.M. and E.N. Shirokogoroffs.

Source: Private archive of E.V. Robinson.

ми (и еще несколько – благодаря им, т.е. переданные ими в музей, зарегистрированные С.М. Широкогоровым) хранятся сегодня в МАЭ РАН в Санкт-Петербурге, а также в Амурском областном краеведческом музее в Благовещенске. Исследованиями материальной культуры, которую Широкогоров считал формой адаптации, он в дальнейшем специально не занимался, поскольку музейные коллекции, необходимые для написания подобной работы, остались в Петрограде (Ленинграде) [24, с. 24; 30; 21]. Вероятно, отчасти поэтому он сместил фокус внимания с описания материальных объектов на социальные отношения по поводу вещей и психологию тунгусов, рассмотрев роль вещей в жизни людей, подметив такие важные элементы тунгусской культуры, как их привязанность к вещам, любовь к обмену и красивым и высококачественным вещам [24].

Социальная организация была рассмотрена Широкогоровым в тесной связи с материальной культурой, умственной и психической деятельностью, согласно пониманию социальных явлений как функций, которые "могут быть рассматриваемы только в связи с другими действующими этнографическими явлениями" [36; 55]. На выбор темы работы оказало влияние фундаментальное историко-статистиче-

Фото 4. Е.Н. Широкогорова (слева) во время экспедиции.

Источник: Личный архив Е.В. Робинсон.

Foto 4. E.N. Shirokogoroff (on the left) during the expedition.

Source: Private archive of E.V. Robinson.

ское исследование сотрудника МАЭ С.К. Патканова "Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири" (1906 г. и др.). Широкогоров полемизирует с Паткановым в связи с проблемой соотношения административных и кровных родов, миграций, отдельных частных вопросов родовой этнонимии и происхождения.

Важным методологическим подходом к изучению социальной организации было рассмотрение ее как динамичной подсистемы, трансформирующейся в процессе миграций, поскольку, по мнению Широкогорова, "сам род как таковой таит в себе элементы самопроизвольных изменений". Проводя полевые исследования в разных регионах Дальнего Востока, супруги встречали роды с одинаковыми названиями, записывали у их представителей предания о переселениях, анализируют

Фото 5. С.М. и Е.Н. Широкогоровы с участниками археологических раскопок.

Источник: Личный архив Е.В. Робинсон.

Foto 5. S.M. and E.N. Shirokogoroffs with the participants in archaeological excavations.

Source: Private archive of E.V. Robinson.

вали другие содержащиеся в языке, фольклоре, антропометрических данных факты. На основе их комплексного анализа Широкогоров реконструировал модели четырех исторических волн тунгусских миграций, проанализировал особенности межэтнических контактов, родовой состав и процессы деления и объединения родов, рассмотрел отношения собственности и обычаи, регулирующие социальные отношения. Он дал также примеры социального поведения и психологические характеристики представителей тунгусов. Собранные Е.Н. Широкогоровой полевые материалы о беременности, родах, воспитании детей, отношениях в семье, женские истории вошли в монографию С.М. Широкогорова о социальной организации; Елизавете Николаевне удалось привнести в работы мужа гендерный, женский взгляд [25].

На основании полевых исследований Широкогоров пришел к важному выводу о возможном несовпадении происхождения культуры, языка и антропологического типа у одного и того же народа. Подчеркивая общее происхождение и родство разных групп тунгусов Забайкалья и Дальнего Востока, он отмечал, что на культуру хинганских конных ороочонов оказала влияние монгольская культура, на культуру оленных ороочонов Маньчжурии – якутская и русская, на культуру кумарских оро-

чонов – маньчжурская. В результате полевой работы на Дальнем Востоке у Широкогорова сложилось убеждение, что тунгусскую этнографию невозможно понять без маньчжурской и монгольской, и наоборот, что методологически было очень важно. В то же время в западно-тунгусском ареале расселения тунгусов было более сильно влияние тюркского и самодийского миров, что осталось за пределами исследований ученого. Только в советское время В.А. Туголуков восполнил долго существовавший пробел в исследованиях социальной организации западных и восточных эвенков, рассмотрев расселение, численность, родовой состав эвенков Западной и Средней Сибири, проследил их взаимодействие с кетоязычными и самодийскими племенами, якутами и русскими. Он был знаком с работой Широкогорова 1929 г. и ссылаясь на нее [28]. Изучение общественного строя народов Сибири было одной из ключевых тем в исследованиях советских сибиреведов 1960-х–1980-х годов – Б.О. Долгих, И.С. Гурвича, Г.М. Василевич, А.В. Смоляк и др.

Изучение вопросов лингвистики, антропологии, социальной организации привело ученого к проблеме *происхождения и этнической истории тунгусо-маньчжурских народов*, которая занимала умы исследователей начиная с XVIII века. На основе анализа данных разных дисциплин Широкогоры выдвинул гипотезу о южном происхождении тунгусов из бассейна р. Желтой (Хуанхэ), откуда в процессе миграций рядом последовательных волн они распространились на север и восток, а также на запад Сибири. Лингвистические данные не подтверждают, но и не опровергают эту гипотезу [14, с. 21]. Нужно подчеркнуть, что за каждой новой гипотезой стоит огромное количество собранных и осмысленных в определенном ключе фактов, поэтому ее создание отражает высокий уровень развития данной области знания и одновременно стимулирует научную мысль, иногда дает ответы на вопросы, прямо не связанные с поставленной темой. По мнению ученого, основанного на данных физической антропологии, собранных среди китайцев, корейцев, маньчжуров, дауров, различных тунгусских групп, лингвистики и этнографии, потомки тунгусов продолжились в маньчжурах и китайцах, а китайцы представляют собой сложносоставную нацию.

"Смелая" гипотеза Широкогорова подверглась критике со стороны Е.М. Залкинда, М.Г. Левина и А.П. Окладникова [13; 6]. Интерес к проблеме этногенеза тунгусов у советских ученых был связан с новыми археологическими и антропологическими находками вблизи Байкала, успехами тунгусской лингвистики. На основе новых данных А.П. Окладников и Г.М. Василевич выдвинули гипотезу о происхождении тунгусов из районов Прибайкалья. Окладников отмечал, что этнографический комплекс и антропологический тип, характерный для прибайкальских эвенков, существовали уже "... у людей глазковского времени на Ангаре, Лене и в низовьях реки Селенги около 3–4 тысяч лет тому назад" [13]. Вместе с тем А.П. Окладников считал вполне вероятным, что среди соседей древних китайцев были и тунгусские племена, влияние которых на предков китайцев было весьма значительным [9]. Окладников изменил свое мнение о прародине тунгусов после находки "шилкинского черепа" и сместил ее из районов Прибайкалья к востоку от него вплоть до верховьев Амура [6]. Сегодня наиболее достоверной считается гипотеза В.А. Туголукова, А.П. Деревянко о происхождении и миграции предков современных тунгусских народов из Приамурья.

Разработка фундаментальных проблем происхождения и этнической истории тунгусских народов была приостановлена в постсоветской этнологии (впрочем, см. [29]), но тема продолжает разрабатываться физическими антропологами, генетиками, фольклористами, лингвистами, историками, археологами, и к ней, несомненно, вернуться и этнографы, когда будет накоплено критическое количество данных для построения новых или пересмотра старых гипотез.

Под термином "*положительные знания*" (*positive knowledge*) Широкогоры объединил очень широкий спектр культурных явлений – от фундаментальных мировоззренческих понятий тунгусов (жизнь, душа, дух и др.), технической адаптации к природной среде (включающей хозяйство и различные материальные изобретения), до феноменов языка, фольклора, декоративного искусства [46]. По его мыс-

ли, эти знания появились как способ адаптации к природной среде и проявления психоментального комплекса, накопленные через опыт жизни, отличный от европейского или иного большинства.

Широкогоров критиковал теорию Леви Брюля о существовании качественно разных исторических этапов развития человеческого мышления, постоянно дискутировал с ним, используя свои полевые материалы. Большое количество приводимых им конкретных фактов показало, что тунгусы несколько не ниже европейцев по своей ментальности: они наблюдают, размышляют, делают умозаключения, умеют строить прогнозы и обобщения. И тунгусское мышление, был уверен Широкогоров, не имеет ничего общего с примитивным мышлением: "Из описания знания и наблюдений тунгусов мы убедились, что процесс их ментальной работы не отличается от такового любых других наблюдателей явлений природы, если наблюдатель нуждается в точных знаниях о наблюдаемом явлении" [46, p. 86].

Тунгусы прекрасно различают типы ландшафтов, умеют прокладывать кратчайшие и удобные тропы, обладают глубокими знаниями о растениях и животных. Он утверждал, что тунгусы лучше знают животных, чем европейцы. Ученый приводит примеры такого знания, показывает тунгусов внимательными наблюдателями, анатомистами, компаративистами, которые выработали свою классификацию животных, основанную на морфологических характеристиках, поведении и практической ценности животных для себя. Но тунгусы наблюдают за животными и без каких-либо практических целей [46; ср.: 40]. Главное отличие их классификации от европейской, по наблюдению Широкогорова, состоит в том, что ей чужда идея эволюции. Широкогоров рассмотрел представления тунгусов об анатомии, физиологии и наследственности, а также о психологии и "менталитете" животных. Ученый касается также вопроса о духах, которые, согласно тунгусским гипотезам, могут вселяться в животных.

Тема народных знаний оказалась чрезвычайно важна и востребована. Она находилась в сфере внимания советского тунгусоведения с 1960–1980-х годов [6; 16; 17, и мн. др.]. Новый этап в изучении народных знаний пришелся на 2000-е годы и продолжается до настоящего времени, он характерен для всей мировой антропологии. За последние годы появилось много интересных работ о традиционных экологических знаниях тунгусских народов, написанных как профессиональными учеными, так и представителями коренных народов [7; 10; 15; 50 и мн. др.]. Характерной чертой этого этапа является работа антропологов совместно с членами изучаемых сообществ: так, например, длительная полевая работа антрополога А. Лаврилье и С. Габышева, профессионального охотника-оленовода, позволила выявить новые факты, особенности и закономерности пространственной культуры эвенков, их традиционных экологических знаний, касающихся, в частности, трансформации снега и других элементов ландшафта [40]. Важно также отметить, что в этой сфере наиболее заметна тенденция проведения междисциплинарных комплексных исследований, взаимодействия этнологии, антропологии, культурной географии, лингвистики, биологии и других наук [40; 12 и др.].

Искусство. Широкогоров затронул ряд важных вопросов декоративного искусства тунгусских народов Дальнего Востока [46]. Как считает Н.В. Кочешков, автор работ о декоративном искусстве народов Нижнего Амура и Сахалина, историко-культурных связях тюрко-монголов и тунгусо-маньчжуров, рассмотренных на примере декоративного искусства, С.М. Широкогоров "впервые провел очень важную мысль о единстве художественной культуры не только эвенков бассейна Витима и Среднего Амура, но и эвенков Северо-Восточного Китая" [9, с. 151–152]. Широкогоров выделил три орнаментальных комплекса – северотунгусский (тунгусы-оленоводы), кочевых тунгусов с адаптацией бурятского комплекса и маньчжурский с адаптацией маньчжуро-китайского комплекса и их характерные особенности [46, p.109], показав иноэтничные влияния на разные тунгусские группы восточного ареала.

Широкогоров привел примеры орнаментальных мотивов, подчеркнул их зависимость от формы предмета, выявил способы нанесения и формы орнаментов,

использование приемов позитива-негатива, симметрии и др., выявил предпочтительные цвета в декоративном и орнаментальном искусстве. Н.В. Кочешков отметил, что Широкогоров "первым обратил внимание, что богаче всего эвенки украшают орнаментом свои костяные олени пряжки, луки деревянных седел и берестяные коробки, обтянутые ровдугой" [9]. С.М. Широкогоров останавливается также на некоторых вопросах, касающихся орнамента народов Нижнего Амура. Упоминает он и о скрытом значении орнамента.

Материалы по орнаменту помогала собирать Елизавета Николаевна Широкогорова. Участие супруги чувствуется и в описаниях: "В целом тунгусские вещи даже сейчас производят впечатление изготовленных специально для того, чтобы радовать глаз, и привлекают эстетическое внимание других людей. Когда группа тунгусов кочует, то производит впечатление, что не знает трудностей жизни в условиях тайги, – кажется, все сделано для удовольствия" [46, р. 111]. В МАЭ РАН хранится уникальная коллекция искусно орнаментированных игольников, а одна из коллекций (орнаменты на бересте) была собрана тунгусской П.В. Афанасьевой по заказу Широкогоровых.

Музыкальная этнография. В начале XX в. музыкальная этнография была новым направлением в этнографической науке, включая тунгусо-маньчжуроведение. Тунгусский фольклор на фонограф записывал Л.Я. Штернберг в 1910 г., позже П.А. Малых, В.К. Стешенко-Куфтина, И.М. Суслов и другие: в фонограммархиве Института русской литературы АН СССР по данным на 1936 г. хранилось 124 фонографические записи [11]. Коллекция, собранная Широкогоровыми, значительна по объему (105 восковых валиков: см. 18; 19) и записана среди групп орочнонов, тунгусов, бурят, которые позже с подобными целями не посещались. Е.Н. Широкогорова собрала значительные музыковедческие материалы, делая в экспедициях записи тунгусского и ороchonского фольклора на фонограф и нотные записи на слух. Она отметила, что тунгусская песня находится под сильным бурятским влиянием, а ороchonская песня "вполне своеобразна": "Для ороchonской песни характерно частое использование стаккато наряду с легато и частая смена форте и пиано; ритмы весьма разнообразны, темпы также. К этому еще необходимо прибавить большое разнообразие мотивов, мягкий, не гортанный тембр голосов и пение хоровых песен не в унисон" [43, с. 135].

Е.Н. Широкогорова связывала происхождение фольклорной музыки с музыкой природы, которую нужно изучать вместе "с собиранием и изучением музыкальных проявлений человека". Сравнение китайской народной музыки с маньчжурской и тунгусской позволило отметить разные основания музыкальной культуры этих народов. Исследовательница дала и методические советы относительно музыкальных записей на фонограф, исходя из своего практического опыта. Статья о народной музыке в Китае, сопровождаемая нотной транскрипцией китайских, маньчжурских и тунгусских песен [47], была переведена на русский язык и опубликована Г.М. Василевич в сборнике, посвященном эвенкискому фольклору [5; 38]. Нотные записи Елизаветы Николаевны были востребованы учеными [8, с. 56]. Позднее шесть нотных транскрипций, записанных Е.Н. Широкогоровой, были опубликованы в работе А.М. Айзенштадта [1, с. 269–270]. В трудах по тунгусской музыкальной этнографии непременно упоминается имя Е.Н. Широкогоровой как стоявшей у истоков этого научного направления [31; 4].

Проблемы преемственности российского тунгусоведения. Фундаментальные монографии Широкогорова о социальной организации и психоментальном комплексе тунгусов появились на 40-50 лет раньше ставшими сегодня классическими монографий советских этнографов Г.М. Василевич и В.А. Туголукова, а словарь тунгусских диалектов был подготовлен на 30 лет раньше, чем сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, над которым работал целый научный коллектив [26]. При этом авторы словаря не использовали (вероятно, по причине недоступности крайне редкого издания) богатейшие данные широкогоровского словаря. Ослабление преемственности в российском тунгусоведении в первой четверти XX в. было связано с последствиями революции и великого исхода. Ког-

да Широкогоров в Китае закончил писать монографию о социальной организации тунгусов, в советской России перед новым поколением тунгусоведов только ставились исследовательские задачи [27]. Г.М. Василевич и другие молодые исследователи начали выезжать в экспедиции к эвенкам и другим тунгусо-маньчжурским народам и изучать их языки. Потребовалось время, чтобы подготовить кадры, собрать материал в экспедициях, и, кроме того, реализовывать практические цели – такие, как создание языков для прежде бесписьменных народов.

То, что сейчас делают ученые, работающие с научным и архивным наследием Широкогоровых, объективно представляет собой попытку в полной мере восстановить такую преемственность. Она не была утрачена полностью. Подчеркнем, что Г.М. Василевич заочно была знакома с С.М. Широкогоровым, обращалась к нему с просьбой прислать его труды в обмен на свои первые работы – словарь енисейских эвенков и азбуку [20, с. 1007]. Символом преемственности стала эвенкийка Павла Васильевна Афанасьева, которая была хорошо знакома и сотрудничала и с супругами Широкогоровыми, и со ставшей классиком советского тунгусоведения Г.М. Василевич [23]. Сотрудники Кунсткамеры работали с коллекциями Широкогоровых, некоторые предметы выставлялись. Работы Широкогорова читали, на них ссылались. Но было трудно достать англоязычные работы, и не всем они были доступны в советское время из-за языкового барьера. В 1930-е годы был задуман проект перевода некоторых работ Широкогорова, но он не был полностью реализован. Перевод и публикация монографии "Социальная организация северных тунгусов" [36] стала своеобразным продолжением этого проекта спустя много лет. Монография сразу оказалась востребована научным сообществом, изучающим народы Северной Азии, поскольку содержит богатые полевые материалы, позволяющие по-новому посмотреть на проблемы тунгусоведения и теоретические построения С.М. Широкогорова. Назрела необходимость перевода на русский язык и других монографий С.М. Широкогорова.

Заключение. "Теперь становится совершенно ясно, что без учета трудов Сергея Михайловича Широкогорова ни одно серьезное тунгусоведное исследование не может считаться ни объективным, ни полным, ни обстоятельным", – отмечал Н.В. Кочешков [9, с. 153]. Оценивая вклад супругов Широкогоровых в тунгусоведение с позиции сегодняшнего дня, можно утверждать, что вместе они совершили прорыв в изучении истории, этнографии, религии и языка тунгусских народов. Исследования Широкогорова заполнили пробел в наших знаниях о восточных группах эвенков и других тунгусо-маньчжурских народах Дальнего Востока и сообщили сильный импульс развитию тунгусоведческого направления в мировой антропологии. На основе собственных полевых данных С.М. Широкогоров разработал получившие широкую известность теоретические построения. При их анализе не стоит забывать, что эмпирической базой теории послужили прежде всего тунгусские материалы.

Литература

1. Айзенштадт А.М. Песенная культура эвенков. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1995.
2. Андерсон Д. Дж. Записки "ушедшей в себя улитки": забайкальские экспедиции С.М. Широкогорова и формирование основ "этнос-мышления" // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 104–122. <https://doi.org/10.13039/501100000269>
3. Булгакова Т.Д. Невостребованное исследование тунгусского шаманства // Этнографическое обозрение, 2017. № 3. С. 53–66.
4. Варламова Г.И., Шейкин Ю.И. (сост.) Обрядовая поэзия и песни эвенков / отв. ред. Т.Е. Андреева. Новосибирск: Академическое Изд-во "Гео", 2014.
5. Василевич Г.М. (сост.) Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936.
6. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
7. Давыдов В.Н. Охота за растениями: "эвенкийские лекарства" на Северном Байкале // Этнографическое обозрение. 2021. № 5 С. 70–83.
8. Кардашевская С.И. О коллекциях эвенкийских фонозаписей, собранных С.М. и Е.Н. Широкогоровыми в начале XX века // Традиционная культура кочевых народов в системе художественного образования: материалы научно-творческой конференции с международным участием, 22 марта 2014 г., г. Якутск.

Якутск: АГИИК, 2014. С. 54–57.

9. Кочешков Н.В. Забытое имя. Сергей Михайлович Широкогоров как этнограф // Россия и АТР. 1999. № 4. С. 150–155.

10. Латушко Ю.В., Пантюхина И.Е., Дёмина А.С. Лекарственные растения в жизни современных нанайцев (по материалам полевого исследования) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. Т. 28. № 3. С. 45–68. <https://doi.org/10.24411/26585960202010034>

11. Магид С.Д. Список собраний фонограмм архива ИАЭА Академии наук СССР // Советский фольклор, 1936. № 4–5. С. 415–428.

12. Мамонтова Н.А. Этнофизиография и исследования места и пространства среди коренных народов: ключевые темы и обзор литературы // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 205–222. <https://doi.org/10.17223/2312461X/26/11>

13. Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. 1968. № 6. С. 39–42.

14. Певнов А.М. Лингвистический взгляд на гипотезу С.М. Широкогорова о южном происхождении тунгусов // Широкогоровские чтения. Материалы научной конференции. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2001.

15. Пикунова З.Н., Пикунова И.Р. Буга дярин. Энциклопедия природы: Флора. СПб.: Просвещение, 2004. 223 с. (на эвенкийском языке).

16. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 228 с.

17. Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.

18. Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям. Этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых / под ред. Д. Арзютова, Д. Андерсона, С. Подрезовой. Т. 1. М.: Индрик, 2021.

19. Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям. Этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых / под ред. Д. Арзютова, Д. Андерсона, С. Подрезовой. Т. 2/1. М.: Индрик, 2022.

20. Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям. Этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых / под ред. Д. Арзютова, Д. Андерсона, С. Подрезовой. Т. 2/2. М.: Индрик, 2022а.

21. Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение, 2003. № 3. С. 100–119.

22. Сирина А.А. Маньчжурская экспедиция С.М. и Е.Н. Широкогоровых (1915–1917) // Этнография. 2018. № 1. С. 64–85. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-64-85>

23. Сирина А.А. Эвенкийка Павла Васильевна Афанасьева в научной жизни С.М. Широкогорова и Г.М. Василевич // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 1. С. 36–43. <https://doi.org/10.25693/SVG.V.2021.34.1.004>

24. Сирина А.А., Давыдов В.Н. "Продававшая леди плакала, когда покупку уносили...": коллекции Широкогоровых в МАЭ // Этнографическое Обозрение, 2017. № 5. С. 9–31.

25. Сирина А.А., Давыдов В.Н. Деятельная любовь: Елизавета Николаевна Широкогорова // Три века российской этнографии. Страницы истории. Отв. ред. А.А. Сирина, сост. А.А. Сирина, А.И. Терюков, М.Ф. Хартанович. М.: Наука–Восточная литература, 2018. С. 175–199.

26. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.

27. Титов Е.И. Очередные задачи тунгусоведения // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. V. Новосибирск: Сибкрайлит. С. 144–154.

28. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985.

29. Туров М.Г. Эвенки: основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск: Амтера, 2008.

30. Ходукин Я.Н. Тунгусы реки Коченги // "Провинциальная наука": этнография в Иркутске в 1920-е годы / избранные статьи. М., Иркутск: Репроцентр, 2013 (1924). С. 338–360.

31. Шейкин Ю.И. (сост., ред.) Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов. Тезисы докладов и сообщений международной конференции. Якутск, 2000.

32. Широкогоров С.М., Широкогорова Е.Н. Отчёт о командировке к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Пг., 1914. № 3.

33. Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке. 1919. Вып. 1. С. 47–108.

34. Широкогоров С.М. Письма к Л.Я. Штернбергу // Этнографическое Обозрение. 2015, №6. С. 155–172.

35. Широкогоров С.М. Письма к В.М. Алексееву. М.: Восточная литература, 2016.

36. Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов / Отв. ред. А.А. Сирина, В.Н. Давы-

дов. М.: Восточная литература – Наука РАН, 2017.

37. Широкогорова Е.Н. Северо-Западная Маньчжурия (Географический очерк по данным маршрутных наблюдений) // Ученые записки Историко-филологического факультета в г. Владивостоке. Владивосток: Типография Областной Земской Управы. 1919. № 1. С. 109–146.

38. Широкогорова Е.Н. Народная музыка в Китае // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусско-му) фольклору / Сост. Г.М. Василевич. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. С. 283–286).

39. Широкогорова Е.Н. Дневник экспедиции 1912 г. в Забайкалье. Подготовка к публикации, комментарии А.А. Сирина, В.Н. Давыдов // Три века российской этнографии. Страницы истории. Отв. ред. А.А. Сирина, сост. А.А. Сирина, А.И. Терюков, М.Ф. Хартанович. М.: Наука–Восточная литература, 2018. С. 200–220.

40. Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p.

41. Shirokogoroff S.M. Ethnological investigations in Siberia, Mongolia and Northern China // The China Journal of Science and Arts. Vol. 1. № 5. P. 513–522. № 6. P. 611–621.

42. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Manchus: a study of the Manchu clan organization. Shanghai: Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1924. 194 p.

43. Shirokogoroff S. M. Northern Tungus migrations in the Far East (Goldi and their ethnical affinities) // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1926. Vol. 57. P. 123–183.

44. Shirokogoroff S.M. Northern Tungus terms of orientation // Rocznik Orientalistyczny. 1928. Vol. IV. P. 167–187.

45. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups). Shanghai: The Commercial Press, 1929. 427 p.

46. Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.

47. Shirokogorova E.N. Folk music in China // The China Journal of Science & Arts, Vol. II, No. 2 (March 1924). P. 116–121.

References

1. Aizenshtadt A.M. Song culture of the Evenkis. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995 (In Russ.).

2. Anderson D. G. Notes of a "retreated snail": Transbaikal expeditions of S.M. Shirokogoroff and the formation of the foundations of "ethnos-thinking" // Etnograficheskoe obozrenie. 2017. No. 3. P. 104–122. <https://doi.org/10.13039/501100000269> (In Russ.).

3. Bulgakova T.D. Unclaimed study of Tungus shamanism // Etnograficheskoe obozrenie. 2017. No. 3. P. 53–66 (In Russ.).

4. Varlamova G.I., Sheikin Yu.I. (Comp.) Ritual poetry and songs of Evenkis / Ed. by T.E. Andreeva. Novosibirsk: Akademicheskoe Izdatel'stvo "Geo", 2014. (In Russ.).

5. Vasilevich G.M. (Comp.) Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa TSIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936 (In Russ.).

6. Vasilevich G.M. Evenkis. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX century). Leningrad: Nauka, 1969 (In Russ.).

7. Davydov V.N. Plant hunting: "Evenki medicines" in Northern Baikal // Etnograficheskoe obozrenie. 2021. No. 5. P. 70–83 (In Russ.).

8. Kardashevskaya S.I. The collections of Evenki phonorecords collected by S.M. and E.N. Shirokogoroffs at the beginning of the 20th century // Traditional culture of nomadic peoples in the system of art education: materials of a scientific and creative conference with international participation, March 22, 2014, Yakutsk. Yakutsk: AGIIK, 2014. P. 54–57 (In Russ.).

9. Kocheshkov N.V. Forgotten name. Sergei Mikhailovich Shirokogoroff as an ethnographer // Rossiia i ATR. 1999. No. 4. P. 150–155 (In Russ.).

10. Latushko Yu.V., Pantiukhina I.E., Demina A.S. Medicinal plants in the life of modern Nanais (based on field research) // Trudy IIAE DVO RAN. 2020. Vol. 28. No. 3. P. 45–68. <https://doi.org/10.24411/26585960202010034> (In Russ.).

11. Magid S.D. List of phonogram collections of the IAEA archive of the USSR Academy of Sciences // Sovetskii fol'klor, 1936. No. 4–5. P. 415–428 (In Russ.).

12. Mamontova N.A. Ethnophysiology and Studies of Place and Space among Indigenous Peoples: Key Topics and Literature Review // Sibirskie istoricheskie issledovaniia. 2019. No. 4. P. 205–222. <https://doi.org/10.17223/2312461X/26/11> (In Russ.).

13. Okladnikov A.P. Tungus-Manchu problem and archeology // Istoriia SSSR. 1968. No. 6. P. 39–42 (In Russ.).

14. Pevnov A.M. Linguistic view on the hypothesis of S.M. Shirokogoroff about the southern origin of

- the Tungus // *Shirokogoroff's readings. Materials of the scientific conference. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2001 (In Russ.)*.
15. Pikunova Z.N., Pikunova I.R. Buga diarin. *Encyclopedia of Nature: Flora. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2004. 223 p. (in Evenki)*.
 16. Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Udege: a historical and ethnographic study based on materials from the 19th–20th centuries. Vladivostok: DVO RAN, 1998. 228 p. (In Russ.)
 17. Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Tungus-Manchus and the Nivkhs: problems of ethnogenesis and ethnic history. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 540 p.
 18. Travels through the Siberian steppe and taiga to anthropological concepts. *Ethnohistory of Sergei and Elizaveta Shirokogoroffs / Ed. by D. Arzyutov, D. Anderson, S. Podrezova. Vol. 1. Moscow: Indrik, 2021 (In Russ.)*.
 19. Travels through the Siberian steppe and taiga to anthropological concepts. *Ethnohistory of Sergei and Elizaveta Shirokogoroffs / Ed. by D. Arzyutov, D. Anderson, S. Podrezova. Vol. 2/1. Moscow: Indrik, 2022 (In Russ.)*.
 20. Travels through the Siberian steppe and taiga to anthropological concepts. *Ethnohistory of Sergei and Elizaveta Shirokogoroffs / Ed. by D. Arzyutov, D. Anderson, S. Podrezova. Vol. 2/2 (In Russ.)*.
 21. Revunenkov E.V., Reshetov A.M. Sergei Mikhailovich Shirokogorov // *Etnograficheskoe Obozrenie, 2003, No 3, p. 100–119. (In Russ.)*.
 22. Sirina A.A. Manchurian expedition of S.M. and E.N. Shirokogoroff (1915–1917) // *Etnografiia. 2018. No. 1. P. 64–85. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-64-85> (In Russ.)*.
 23. Sirina A.A. Evenki Pavla Vasil'evna Afanas'eva in the scientific life of S.M. Shirokogoroff and G.M. Vasilevich // *Northeast Humanitarian Bulletin. 2021. No. 1. P. 36–43. <https://doi.org/10.25693/SVG.2021.34.1.004> (In Russ.)*.
 24. Sirina A.A., Davydov V.N. "The Selling Lady Cried When the Purchase Was Taken Away...": The Shirokogorov Collections at the MAE // *Etnograficheskoe obozrenie, 2017. No. 5. P. 9–31 (In Russ.)*.
 25. Sirina A.A., Davydov V.N. Active love: Elizaveta Nikolaevna Shirokogoroff // *Three centuries of Russian ethnography. History pages. Ed. by A.A. Sirina. Comp. A.A. Sirina, A.I. Teryukov, M.F. Khartanovich. Moscow: Nauka–Vostochnaia literatura, 2018. P. 175–199 (In Russ.)*.
 26. *Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages. Leningrad: Nauka, 1975 Vol.1; 1977. Vol.2*
 27. Titov E.I. Immediate tasks of Tungus studies // *Proceedings of the First Siberian Regional Research Congress. Vol. V. Novosibirsk: Sibirskii. P. 144–154 (In Russ.)*.
 28. Tugolukov V.A. Tungus (Evenkis and Evens) of Central and Western Siberia. Moscow: Nauka, 1985 (In Russ.)
 29. Turov M.G. Evenkis: the main problems of their ethnogenesis and ethnic history. Irkutsk: Amtera, 2008 (In Russ.)
 30. Khodukin Ya. N. Tungus of the Kochenga River // *Provincial Science: Ethnography in Irkutsk in the 1920s / Selected Articles. Moscow, Irkutsk: Reprintsentr, 2013 (1924). P. 338–360 (In Russ.)*.
 31. Sheikin Yu.I. (Comp., Ed.) Musical ethnography of the Tungus-Manchurian peoples. Abstracts of reports and messages of the international conference. Yakutsk, 2000 (In Russ.)
 32. Shirokogoroff S.M., Shirokogorova E.N. Report on a trip to the Tungus and Orochens of the Trans-Baikal region in 1912 and 1913 // *Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in historical, archaeological, linguistic and ethnographic relations. Petrograd, 1914. No. 3. (In Russ.)*.
 33. Shirokogoroff S.M. Experience in researching the foundations of shamanism among the Tungus // *Uchenye zapiski of the Faculty of History and Philology in Vladivostok. 1919. Vol. 1. P. 47–108 (In Russ.)*.
 34. Shirokogoroff S.M. Letters to L.Ya. Shternberg // *Etnograficheskoe Obozrenie, 2015, No6, p. 155–172 (In Russ.)*.
 35. Shirokogoroff S.M. Letters to V.M. Alekseev. Moscow: Vostochnaia literatura, 2016 (In Russ.)
 36. Shirokogoroff S.M. Social organization of the northern Tungus / Ed. by A.A. Sirina, V.N. Davydov. Moscow: Vostochnaya literatura – Nauka RAN, 2017 (In Russ.)
 37. Shirokogoroff E.N. North-Western Manchuria (Geographical sketch based on the data of route observations) // *Uchenyye zapiski Istoriko-filologicheskogo fakul'teta v g. Vladivostoke. Vladivostok: Tipografiia Oblastnoii Zemskoi Upravy. 1919. Vol. 1. P. 109–146 (In Russ.)*.
 38. Shirokogoroff E.N. Folk music in China // *Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore / Comp. G.M. Vasilevich. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa TSIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936. P. 283–286 (In Russ.)*.
 39. Shirokogoroff E.N. Diary of the 1912 expedition in Transbaikalia. Preparation for publication, comments by A.A. Sirina, V.N. Davydov // *Three centuries of Russian ethnography. History pages. Ed. by A.A. Sirina. Comp. A.A. Sirina, A.I. Teryukov, M.F. Hartanovich. Moscow: Nauka-Vostochnaia literatura, 2018. P. 200–220 (In Russ.)*.
 40. Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p.

41. Shirokogoroff S.M. Ethnological investigations in Siberia, Mongolia and Northern China // *The China Journal of Science and Arts*. Vol. 1. P. 513–22 and 611–621.
42. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Manchus: a study of the Manchu clan organization. Shanghai: Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1924. 194 p.
43. Shirokogoroff S. M. Northern Tungus migrations in the Far East (Goldi and their ethnical affinities) // *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*. 1926. Vol. 57. P. 123–183.
44. Shirokogoroff S.M. Northern Tungus terms of orientation // *Rocznik Orientalistyczny*. 1928. Vol. IV. P. 167–187.
45. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups). Shanghai: The Commercial Press, 1929. 427 p.
46. Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.
47. Shirokogorova E.N. Folk music in China // *The China Journal of Science & Arts*, Vol. II, No. 2 (March 1924). P. 116–121.

Анна Анатольевна СИРИНА, д-р. ист. наук, главный научный сотрудник отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, e-mail: annas@iea.ras.ru

Владимир Николаевич ДАВЫДОВ, канд. социол. наук, PhD, заместитель директора по научной работе Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия; научный сотрудник Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Анадырь, Россия, e-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Anna A. SIRINA, Doctor of Historical Sciences, Main Research Fellow, Department of the North and Siberia studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: annas@iea.ras.ru

Vladimir N. DAVYDOV, Candidate of Sociology, PhD, Deputy Director for Science, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; Research Fellow, Chukotka Branch of North-Eastern Federal University, Anadyr, Russia, e-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 03.02.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 12.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023